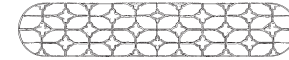
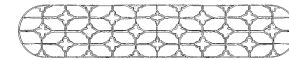

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А. М. ГОРЬКОГО РАН

**НОВОЗАВЕТНЫЕ
ОБРАЗЫ и СЮЖЕТЫ**
в культуре
русского модернизма

МОСКВА «ИНДРИК» 2018

УДК 821.161.1.09
ББК 85.1
Н 74

Издание осуществлено
за счет гранта Российского научного фонда (РНФ),
проект № 14-18-02709

Редакционная коллегия серии
«“Вечные” сюжеты и образы»:
А.Г. Гачева, Е.В. Глухова, В.В. Полонский,
А.Л. Топорков (председатель)

Ответственные редакторы выпуска:
О.А. Богданова, А.Г. Гачева

Члены редколлегии:
С.А. Серегина, О.А. Симонова, А.Л. Топорков

Редактор В.Б. Зусева-Озкан

Рецензенты:
д-р филол. наук С.В. Федотова, д-р филос. наук М.М. Шибаета

**Новозаветные образы и сюжеты в культуре русского
модернизма** / Сост. и отв. ред. О.А. Богданова, А.Г. Гачева. —
М.: Индрик, 2018. — 000 с., илл.
(Серия «“Вечные” сюжеты и образы». Вып. 4.)

ISBN 978-5-91674-504-7

Основу книги составляют материалы Международной научной конференции «Новозаветные образы и сюжеты в культуре русского модернизма» (Москва, ИМЛИ РАН, 21–23 ноября 2017 г.). В центре внимания авторов статей – художественная и философская рецепция ключевых событий евангельской истории и творчестве писателей, мыслителей, художников, композиторов, отражение новозаветных образов и сюжетов в эпоху Серебряного века, а также последующая их трансформация в культуре революционного и постреволюционного времени, актуализация символики Откровения Иоанна Богослова. Книга адресована филологам, философам, искусствоведам и всем интересующимся историей отечественной культуры.

© Текст, коллектив авторов, 2018
© Оформление, Издательство «Индрик», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

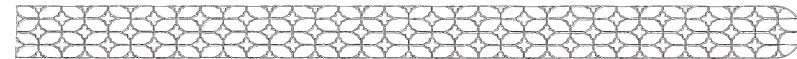
От редколлегии	11
ЕВАНГЕЛЬСКИЕ ОБРАЗЫ И СЮЖЕТЫ В ЛИТЕРАТУРЕ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА	
Н. Андрич. Некоторые новозаветные сюжеты и образы в романе Д.С. Мережковского «Воскресшие боги (Леонардо да Винчи)»	16
С.В. Сызранов. Тема апостасии в последних произведениях А.П. Чехова («Архиерей», «Невеста», «Вишневый сад»)	32
Ч. Чиан. Репрезентация тела в «библейской трилогии» Л. Андреева	50
М. Цимборска-Лебода. Евангельский текст и антропология Вячеслава Иванова (сокровенный смысл и художественная инновация)	62
В.В. Петров. Вячеслав Иванов и его толкование евангельского слова «земля»	78
М.В. Яковлев. О некоторых аспектах восприятия апокалиптического образа Жены, облеченной в солнце, в поэзии символизма и постсимволизма	98
О.А. Симонова. Образ апостола Петра как привратника рая в поэзии Н.С. Гумилева и Ф.К. Сологуба в контексте традиции	116
А.А. Чевтаев. Стихотворение Н.С. Гумилева «Христос» (1910) в свете концепции адамизма	132

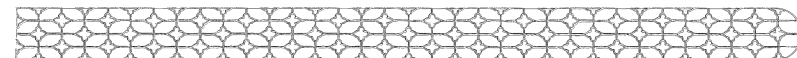
А.В. Филатов. Трансформация евангельской притчи в поэме Н.С. Гумилева «Блудный сын»	148
В.Б. Зусева-Озкан. Сюжет искупления в «Гондле» Н.С. Гумилева	160
О.А. Бердникова. Духовный и географический векторы странствий И.А. Бунина «по следам Христа»	172
Д.М. Магомедова. Ветхозаветные, евангельские и языческие мотивы в повести Евгения Замятина «Уездное»	190
А.А. Медведев. «Никто, как ты, не подошел к Евангелию близко»: рецепция Евангелия в русской францискане Серебряного века (Д. Мережковский, С. Дурылин, С. Соловьев)	200
Н.В. Михаленко. Трансформация новозаветной истории в поэме В.В. Маяковского «Человек».	220
Л.Л. Шестакова, А.С. Кулева. Ключевые события евангельской истории в зеркале «Словаря языка русской поэзии XX века»	234
М.В. Скороходов. События евангельской истории в учебных программах гимназий конца XIX в. и в творчестве их выпускников	250

ОБРАЗЫ НОВОГО ЗАВЕТА
ГЛАЗАМИ РУССКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ И ПИСАТЕЛЕЙ

Е.М. Титаренко. Экфрасис и новозаветные образы в проективной эстетике Н.Ф. Федорова	268
---	-----

А.В. Дехтяренко. Понятие «евангельской свободы» в интерпретации Д.С. Мережковского (1890-е —1930-е гг.)	284
Л. Миленцевич. «Логарифмы христианства» в понимании В.В. Розанова	298
А.В. Волков. Образ Христа в докладах деятелей Московского религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьева	316
В.В. Боченков. Голгофская жертва и ее смысл в публицистике старообрядческого епископа Михаила (Семенова)	328
К.В. Ворожихина. Оправдание верой: новозаветные темы в философии Льва Шестова.	344
О.А. Казнина. Евангельские мотивы в персоналистической гносеологии Н.А. Бердяева	356
М.Л. Спивак. «Письмо, написанное в сердцах наших»: Андрей Белый — Рудольф Штейнер — апостол Павел	372
Е.А. Есенина. Трансформация образов Бога Отца и Бога Сына в художественно-философской прозе А. Цветаевой и В. Розанова	390
В.В. Полонский. Хилиастическая трансформация новозаветной образности в поздней историософии Д.С. Мережковского	400
А.Г. Гачева. Активная апокалиптика: образы Нового Завета в творчестве А.К. Горского, Н.А. Сетницкого, В.Н. Муравьева	422

НОВОЗАВЕТНЫЕ ОБРАЗЫ И СЮЖЕТЫ
И ИХ ТРАНСФОРМАЦИЯ В РЕВОЛЮЦИОННУЮ
И ПОСТРЕВОЛЮЦИОННУЮ ЭПОХУ

О.А. Богданова. Новозаветные образы и мотивы в журнале «Народоправство» (1917–1918 гг.): тематико-аналитический обзор	444
С.А. Серегина. «Животворные ключи “Нового Назарета”»: к истории «скифского мифа» русской литературы	456
Е.Ю. Кнорре. Сюжет о благоразумном разбойнике в дневниках М. Пришвина периода революции и Гражданской войны в контексте религиозно-философских исканий «китежан» 1920-х гг. (С. Дурылина, П. Флоренского, В. Муравьева)	476
А.А. Николаева. Образ Агасфера в имажинистском творчестве Вадима Шершеневича	492
Я.Д. Чечнёв. Образы Нового Завета в раннем творчестве Константина Вагинова	502
И.В. Кочергина. Новозаветные образы в критике и эссеистике Ю.И. Айхенвальда послереволюционных лет.	512
А.В. Святославский, А.А. Григорьева. Образы Священного Писания в революционной поэзии: классика чувашской литературы XX в. Мишши Сеспеля (Михаила Кузьмина)	528
О.В. Быстрова. От «Матери» к «Жизни Клима Самгина»: Горький как создатель «анти-Евангелия» советского общества	538
Б.Н. Борисов. Евхаристический тезаурус в творчестве Андрея Платонова	552

С.В. Алпатов. Евангелие vs «Адская газета»: проблемы жанрового синтеза в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»	568
---	-----

Е.А. Осьминина. Новозаветные образы в «Иисусе Неизвестном» (Д.С. Мережковский и Э. Ренан)	580
Н.Н. Примочкина. Евангельские образы и сюжеты в цикле И.С. Шмелева «Из крымских рассказов»	596

ЕВАНГЕЛЬСКИЕ ОБРАЗЫ И СЮЖЕТЫ
В РУССКОЙ МУЗЫКЕ, ЖИВОПИСИ, КИНОИСКУССТВЕ

И.С. Стогний. О специфике воплощения евангельских образов в русской музыке первой трети XX в.	610
Е.Р. Скурко. Религиозные мотивы и образы в творчестве С.В. Рахманинова	628
Д.В. Боголюбова-Кузнецова. Сюжеты Евангелия в творчестве художников «Маковца»	648
Г.С. Чурак. Новозаветные сюжеты в творчестве позднего И.Е. Репина (1920-е гг.)	660
Т.М. До Египто. Сакральное и профанное в творчестве С.М. Эйзенштейна	674
Список иллюстраций	691
Сведения об авторах	695
About the authors	702
Указатель имен	709

Н.В. Михаленко (Москва)

ТРАНСФОРМАЦИЯ
НОВОЗАВЕТНОЙ ИСТОРИИ В ПОЭМЕ
В.В. МАЯКОВСКОГО «ЧЕЛОВЕК»

Исследование подготовлено
при поддержке
Российского научного фонда
(проект № 17-18-01432)
и в ИМЛИ РАН

Поэма «Человек» (1916–1917) является частью автобиографического мифа В.В. Маяковского. Используя в качестве сюжетной основы евангельскую историю, поэт трансформирует ее, прославляет человека, его возможности. Маяковский делает акцент на божественности не только духа, но и тела своего героя: тело сакрально, так как помогает творить, создавать поэзию. Конфликт героя и Повелителя Всего, образ которого символизирует утилитарность и материализм, разрешается жертвенной гибелью героя, сгорающего на костре «немыслимой любви» (Маяковский 1955/1, с. 272). Библейская образность помогает сделать историю жизни Человека равной истории Христа.

О почти библейском, пророческом пафосе творчества Маяковского писал Н.В. Устрялов в статье «Религия революции»: «Он — рупор эпохи, образ творимого хаоса, неотделимый от атмосферы наших дней» (Устрялов 2010, с. 552); «...и голос нового поэта звучит неслышанным полнозвучием, подобно грохоту камней, низвергаемых титанами» (там же, с. 557). В творчестве Маяковского Устрялов видел религиозное богоборчество: «Он увлечен в каком-то адском танце бунта, и бунтарские крылья эпохи подбрасывают его с удесятеренной силой — сквозь небо вперед!.. Он не принимает Божьего мира, но возвращает билет свой творцу...» (там же, с. 553). «Великую мощь самодовлеющего человека — вот что противопоставляет он старому небу <...> “Мы сами — Христос, / Мы сами — Спаситель”» (там же). Как считал исследователь, земля и небо в творчестве поэта меняются местами, земное бытие, плоть обожествляются: «Я о настоящих земных небесах ору» (Маяковский 1956/2, с. 211).

О соотношении библейской образности и богоборческой тематики в творчестве Маяковского писали различные исследователи. Как отмечает Д.Ю. Шалков, цитируя статью А. Сакович «Библейские образы в раннем творчестве Владимира Маяковского, или Мистерия-буфф в действии» (Сакович 1996), «лирический герой поэта формируется на стыке народной смеховой культуры и авторской полемики с христианством,

балансируя между трагедией распятого и ампула скомороха: поэт вступает в борьбу с Богом, но “идет вслед за Христом” и взывает “...царства Божия — победы любви на земле” (Шалков 2008, с. 11). Исследователь определяет эволюцию мировоззренческих целеустановок Маяковского как путь «от стихийного безбожества (богоборчества) через духовные искания (богоискательство) к полной апостасии (богоотступничеству)» (там же, с. 6). По Шалкову, «библейская символика, нередко восходящая к мифопоэтическим архетипам и элементам мышления, становится организующим центром поэтической системы Маяковского и функционирует как источник универсальных художественных, эстетических и культурологических моделей, оптимальных для постижения и преобразования онтологических законов мироздания и основ человеческой духовности» (там же, с. 4). Исследователь доказывает, что библейские мотивы, образы и сюжетные деривации, сама атмосфера воссоздаваемого христианского мифа «выступают не только как условный культурный код, транспонирующий драматические события современности в ракурс вечных коллизий, но и как способ обретения ментального универсализма на путях обновленного мифотворчества, устремленного в будущее — “навстречу жданным годам”» (там же, с. 3).

О внутреннем конфликте Маяковского, отразившемся в его произведениях, писала Т.А. Жирмунская, отмечая, что, несмотря на отчетливо богоборческий дух творчества Маяковского, поэт «страдал от катастрофического несовершенства быта и бытия, от извращенности человеческих отношений, от забвения основных Христовых заповедей» (Жирмунская 2006, с. 373). На богоборческие, «прометеевские» черты в образе лирического героя поэмы «Человек» обращал внимание А.И. Метченко (Метченко 1961, с. 83). По мысли С.Г. Семеновой, Маяковский творит свой мир, обожествляя человека (обновленная религия грядущего мира — «гуманистическое человекобожество» (Семенова 2001, с. 149)): «В своем отрицании христианства, причем самого карикатурно-уплощенного, поэт остается личностью религиозно заряженной. Его вера в земной рай, в человека-творца и чудотворца <...> превращенно-религиозна» (там же, с. 159).

У исследователей нет единой позиции, как интерпретировать образ Человека у Маяковского. Вероятно, это связано с интертекстуальной природой этого образа, допускающего различные варианты толкования.

По мнению М. Вайскопфа, «из горьковской религиозной антропологии, из культа революционного человекобожия (“Человек”, “На дне”, “Мать”) заимствует Маяковский в 1915–1917 годах, то есть в годы сближения с Горьким, культ Человека, который на первых порах отождествится с самим поэтом» (Вайскопф 2003, с. 391).

В период написания поэмы «Человек» Маяковский и Горький много общались. М.Ф. Андреева вспоминала: «Очень часто он [Маяковский] бывал у нас в Петербурге, на Кронверкском проспекте, когда мы еще жили на пятом этаже. Это было в 1915–1916 году» (Андреева 1963, с. 118). Представление о теургической миссии Человека в художественном сознании Маяковского, вероятно, восходит в том числе к строкам поэмы Горького с тем же названием — «Человек» (1903):

Идет он, орошая кровью сердца свой трудный, одинокий, гордый путь, и создает из этой жгучей крови — поэзии нетленные цветы; тоскливый крик души своей мятежной он в музыку искусно претворяет, из опыта — науки создает, и, каждым шагом украшая жизнь, как солнце землю щедрыми лучами, — он движется все — выше! и — вперед! звездою путеводной для земли... (Горький 1950/5, с. 362–363).

И:

— Настанет день — в груди моей сольются в одно великое и творческое пламя мир чувства моего с моей бессмертной Мыслью, и этим пламенем я выжгу из души все темное, жестокое и злое, и буду я подобен тем богам, что Мысль моя творила и творит!

— Все в Человеке — все для Человека! (Горький 1950/2, с. 367).

Евангельская символика прочитывается в самом оформлении первого издания «Человека» Маяковского (1918). Можно предположить, что в заголовочный комплекс этого произведения входит не только слово «Человек», но и фамилия поэта — Маяковский. На обложке первого издания эти два слова были крестообразно соединены, пересекаясь на букве «о». Такой заголовочный комплекс подчеркивает автобиографичность поэмы,

близость автора и лирического героя, а также обращает читателя к Крестной истории Иисуса Христа.

В поэме «Человек» в качестве сюжетообразующей основы взята евангельская история («поэма конструируется как травестия ключевых мистериальных моментов Евангелия» (Семенова 2001, с. 147)), а также Апокалипсис как символ космической катастрофы. Названия главок поэмы: «Рождество Маяковского», «Жизнь Маяковского», «Страсти Маяковского», «Вознесение Маяковского», «Возвращение Маяковского» — соответствуют новозаветному сюжету. Заглавия глав «Маяковский в небе», «Возвращение Маяковского», «Маяковский векам», вероятно, связаны с Откровением Иоанна Богослова.

Библейская символика вплетена в текст поэмы «Человек». Уже в первой строке образ солнца связан с его библейской, христологической семантикой — ср.: «Лицо Его сияет как солнце в силе Своей (Апок. I, 16). Он есть Солнце правды (Мал. IV, 2), истинный свет (Ин. I, 9), пришедший в мир, чтобы отделить свет от тьмы, чтобы служить светом миру (Ин. III, 19; VIII, 12; IX, 5) и все просвещает, Он свет не вечерний, вечный, незаходимый (Апок. XXI, 23; XXII, 5)» (Библейская энциклопедия 2005, с. 610); «Праведники, возрожденные словом Божиим, воссияют некогда, как солнце, в царстве Отца их (Мф. XIII, 43; Дан. XII, 2; Ис. XXX, 26; Суд. V, 31)» (там же). Такая символика сакрализирует творчество поэта, сближает его деяния с миссией Христа.

Герой Маяковского, несущий «ночи облачение» на плечах, будто одет в омофор — принадлежность богослужебного облачения епископа. Это одеяние символизирует овцу, заблудшую и принесенную добрым пастырем на плечах (Лк. 15: 4–7), т. е. спасение Иисусом Христом человеческого рода.

Человек предстает в поэме Мессией, призванным силой своей любви к женщине и жертвенной гибелью во имя этой любви («Дней любви моей тысячелестное Евангелие целую» (Маяковский 1955/1, с. 245); «Я счет не веду неделям. / Мы, / хранимые в рамах времен, / мы любовь на дни не делим, / не меняем любимых имен» (там же, с. 262)) указать путь людям, дать им спасение в этой, земной жизни. Характерно, что именно земля в поэме повторяет слова праведного Симеона Богоприимца («...нынѣ отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу твоему, съ миромъ: яко видѣстѣ очи мои спасеніе твое, еже еси уготовалъ предѣ лицемъ всѣхъ людей: свѣтъ во откровеніе языкомъ,

и славу людей твоихъ Израиля» (Лк. 2: 29–32)), сказанные им в Иерусалимском храме в день Сретения — встречи старца с Младенцем Иисусом Христом (ср.: «...слышу / твое, земля: / “Ныне отпускаеши!”» (Маяковский 1955/1, с. 245)). Окончание поэмы («Тысячью церквей / подо мной / затянул / и тянет мир: / “Со святыми упокой!”» (там же, с. 272)) восходит к словам из кондака, глас 8 Великой панихиды: «Со святыми упокой, Христе, души раб Твоих, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь безконечная». Затем следует икос: «Сам Един еси Безсмертный, сотворивый и создавый человека: земнии убо от земли создахомся, и в землю туюжде пойдем, якоже повелел еси, Создавый мя и рекии ми: яко земля еси и в землю отыдеши, аможе вси человецы пойдем, надгробное рыдание творяще песнь: Аллилуиа, аллилуиа, аллилуиа» (Обиходные песнопения 1995, с. 17–18). Вероятно, обращение к панихиде вызвано тем, что путь героя Маяковского начинается с благоговения его миссии землей, а заканчивается телесной смертью: «Ширь, / бездомного / снова / лоном твоим прими!» (Маяковский 1955/1, с. 272).

В поэме разрушается противопоставление плоти и духа. Маяковский воспевает телесность человека, позволяющую создавать поэзию, творить. Он восхищается гармонией тела: «Две стороны обойдите. / В каждой / дивитесь пятилучию. / Называется “Руки”. / Пара прекрасных рук!» (Маяковский 1955/1, с. 247); «...лучшую / шею выбрать могу / и обовьюсь вокруг» (там же). Как писал Р. Якобсон в статье «О поколении, растратившем своих поэтов», когда Маяковский «работал над поэмой “Человек”, он говорил: “Хочу дать просто человека, человека вообще, но чтобы не андреевские отвлеченности, а подлинный Иван, который двигает руками, ест щи, который непосредственно чувствуется”» (Якобсон 1975, с. 11). По мысли С.Г. Семеновой, «так и выглядывает здесь и языческая любовь к натуральному человеку, вновь открытая с эпохи Ренессанса, и просветительская концепция изначально прекрасного естественного человека, чью природу искажает именно общество, ложный его уклад» (Семенова 2001, с. 150).

Вознесшись на небеса, герой поэмы испытывает тоску по телесности, радостям земной жизни: «Раздражало вначале: / нет тебе / ни угла одного, / ни чаю, / ни к чаю газет» (Маяковский 1955/1, с. 260); «Никто не толкается. / Впрочем, и нечем» (там же, с. 261); «Пахучие весны развесили в селах. / Город каждый,

должно быть, иллюминирован. / Поет семья краснощеких и веселых» (там же, с. 263). Даже на небесах сохраняется его эмоциональность, он восхищен красотой Вселенной, «показывая в рампе созвездий / величественную бутафорию миров» (там же, с. 260). Все восприятие Человека построено на чувственном опыте, он воспринимает окружающий мир в его целостности. Поэтизируя тело, лирический герой Маяковского сам становится идеальной вещью, физическим объектом. В статье «Новые пути слова» А. Крученых писал о божественности каждого человека: «Трансцендентное во мне и мое <...>. Нам не нужно посредника — символа мысли, мы даем свою собственную новую истину, а не служим отражением некоторого солнца (или бревна?)» (Крученых 1967, с. 70–71). Как отмечал М. Вайскопф, «так называемое богоборчество Маяковского заметно ослабляется и ввиду его элементарного сенсуализма, побуждающего “мясного человека” вообще относиться с заведомым пренебрежением к “зализанной глади” пустого неба и его бесплотным обитателям — бесплотным до того, что, поднявшись на небеса, герой “Человека” обнаруживает там разве что ангелов, но не самого Бога, как бы окончательно раставшего в своем спиритуальном небытии» (Вайскопф 2003, с. 389).

Маяковский ставит своего героя в один ряд с ветхозаветными патриархами и пророками, чьи деяния предвещали пришествие Христа. Так, Человек сравнивается с праведным Ноем («В ковчеге ночи, / новый Ной...» (Маяковский 1955/1, с. 245)). В православной теологии Ной, символизирующий новый, спасенный мир, как бы является прообразом Христа. В поэме аллегорично упоминается и пророк Иона. Его пребывание во чреве кита три дня и три ночи (Ион. 2: 1) — прообраз Воскресения: «...якоже бо бѣ Иона во чревѣ китовѣ три дни и три ношы, тако будетъ и Сынъ чловѣчскій въ сердцы земли три дни и три ношы» (Мф. 12: 40). Лирический герой Маяковского на небесах видит «ветхий чертеж — / неизвестно чей — / первый неудавшийся проект кита» (Маяковский 1955/1, с. 261). Вероятно, это отсылка к образу пророка Ионы.

На героя поэмы проецируются многие эпизоды земной жизни Иисуса Христа. Упоминание Вифлеема связано не только с переосмыслением дел Богочеловека и прославлением рождения героя, но и с тем, что этот город был местом рождения царя Давида, пророка и псалмопевца (Лк. 2: 4, 11). Это еще раз подчеркивает божественность поэтического дара Человека.

Герой Маяковского способен совершать чудеса (да и сам по себе чудесен — просто будучи Человеком: «Как же / себя мне не петь, / если весь я — / сплошная невидаль, / если каждое движение мое — / огромное, / необъяснимое чудо» (Маяковский 1955/1, с. 247); «Это я / сердце флагом поднял. / Небывалое чудо двадцатого века!» (там же, с. 249)). Это еще более сближает его с Христом, ведь чудеса — подтверждение Божественной природы Иисуса: «Пришедша же къ нему мужа рѣста: Иоаннъ креститель посла насъ къ тебѣ, глаголя: ты ли еси грядый, или иного чаемъ? Въ той же часъ исцѣли многи от недугъ и ранъ и духъ злыхъ, и многимъ слѣпымъ дарова прозрѣніе. И отвѣщавъ Иисусъ рече има: шедша възвѣстита Иоанну, яже видѣста и слышаста: яко слѣпїи прозирають, хромїи ходятъ, прокаженнїи очищаются, глушіи слышатъ, мертвіи востають, нищїи благовѣствуютъ...» (Лк. 7: 20–22).

Человек тоже может преображать физическую природу — например, как и Христос, претворять воду в вино (Ин. 2: 1–11): «...чтоб в лето / зѣмы, / воду в вино превращать чтоб мог...» (Маяковский 1955/1, с. 248). Христос, изменяя природу, откликается на настоящую нужду человека, борется с болезнями и со смертью. А героя Маяковского отличает желание богатырской пробы сил; это некий зародыш космического хулиганства, которое будет после революции учинять лирический герой революционных поэм С.А. Есенина.

Готовясь к своей жертве, герой Маяковского, подобно Христу, молившемуся в Гефсиманском саду (Мф. 26: 39, 45–46), ожидает: «...сейчас придут, / придут за мной / и узел рассекут земной / секирами зари» (Маяковский 1955/1, с. 245). Он предчувствует свою гибель и готовится к страстям. Как писала С.Г. Семенова, «страсти Маяковского, заземленная перелицовка Христовых страстей, связаны конкретно с тем, что в людском потоке поклонения Повелителю Всего (“идут горожане / выкупаться в Его обилии”), а затем и в привычно обожающей его ласке оказывается и... любимая поэта. Так фиаско своей любви, нестерпимую муку ревности поэт выводит в обобщенный план роковых обстоятельств земного бытия, где царит сей “неодолимый враг”...» (Семенова 2001, с. 150).

В поэме Маяковского утверждаются прометеевская сила и мощь человека. Но в ней присутствует и тема самораспятия героя. И это отличает его от Прометея. Лирический герой Маяковского сам берет на себя крест, как Христос — добровольные

страдания (и как каждый христианин, уподобляющийся Христу). Жертвенная смерть героя на «на несгорающем костре / немислимой любви», вероятно, отсылает к образу неопалимой купины (Исх. 3: 2, 4; Втор. 33: 16) — тернового куста, который горел, но не сгорал и в котором Иегова явился Моисею, призывая его к избавлению народа израильского от египетского рабства.

Проповедь Христа о любви к Богу и ближнему («...возлюбиши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душою твоею, и всею мыслию твоею: сія есть первая и болшая заповѣдь: вторая же подобна ей: возлюбиши искренняго твоего яко самъ себе...» (Мф. 22: 37–40)) Маяковский противопоставляет любви к земной женщине. Именно с неразделенностью этого чувства связана трагическая гибель Человека. Как писала С.Г. Семенова, главная святыня в поэме — «любящее сердце человека, сердце поэта; на чувстве основывается новая религия человека (“сердце все”), из чувства идет и импульс к преобразующему творчеству» (Семенова 2001, с. 148). М. Вайскопф отмечал, что в «Человеке» поэт «лишь проецирует свою индивидуальную любовь, любовь Маяковского к некой конкретной женщине, на все человечество (“я бы всех в любви моей выкупал”»)» (Вайскопф 2003, с. 365). Законническим ветхозаветным заповедям Христос противопоставил завет любви ко всему человечеству, ко всей твари (Ин. 13: 34), благодаря которой побеждается смерть, люди обретают надежду на спасение. Герой же Маяковского пытается свое чувство к возлюбленной сделать знаменем новой религии.

По мысли Р. Якобсона, образы, которые Маяковский может противопоставить Повелителю Всего, глубоко иррациональны. Это звезда как мечта о вечности, мотив сумасбродства весны, а также «сердце, превращающее “в лето зимы, воду в вино”. <...> Но основная иррациональная тема Маяковского — любовь. <...> она вкраплена “между служб, доходов и прочего”. Любовь раздавлена бытом» (Якобсон 1975, с. 17).

Главная способность Человека в поэме — его умение пересотворять, преобразовать обыденность. Именно она и делает его новым Мессией. Он обладает необыкновенным зрением, творческой силой: «Булочная. / Булочник. / Булки выпек. / Что булочник? / Мукой измусоленный ноль. / И вдруг / у булок / загибаются грифы скрипок. / Он играет. / Всѣ в него влюблено» (Маяковский 1955/1, с. 249). Вещи у Человека наполнены жизнью,

вдохновением, искусством. Он способен увидеть душу вещи, одухотворить ее. Это качество и делает его «земным» пророком. Человек может своим вдохновением, поэтическим словом преобразовать мир, приносить творчество в быт: «Сапожная. / Сапожник. / Прохвост и нищий. / Надо / на сапоги / какие-то головки. / Взглянул / и в арфы распускаются голенища. / Он в короне. / Он принц. / Веселый и ловкий» (там же).

Антагонист лирического героя — многоликий Повелитель Всего («...лысый / невидимый водит, / главный танцмейстер земного канкана. / То в виде идеи, / то черта вроде, / то богом сияет, за облако канув» (Маяковский 1955/1, с. 266)). Предположительно, inferнальный образ Повелителя Всего у Маяковского восходит к замыслу поэмы о мещанине М. Горького. Во второй половине октября 1903 г. Горький послал К.П. Пятницкому первую редакцию поэмы «Человек» с запиской: «Продолжать я буду — о мещанине, который идет в отдалении — за Человеком и воздвигает сзади его всякую мерзость, которой потом присваивает имя всяческих законов и т. д.» (Горький 1950/5, с. 488).

Повелитель Всего обладает полной земной властью. Его отличает утилитарное отношение к жизни («И бог — / его проворный повар — / из глины / сочиняет мясо фазаново» (Маяковский 1955/1, с. 253); «И вот / для него / легион Галилеев / елозит по звездам в глаза телескопов» (там же, с. 254)). Все, что было одухотворено Человеком, низводится до объекта потребления Повелителя Всего. Как дьявол в Евангелиях, он соблазняет людей земными благами (Христа дьявол искушал тем, что даст ему «вся царствія міра и славу ихъ» (Мф. 4: 8–9)). Повелитель Всего управляет людьми, прожигаящими жизнь, попусту растрачивающими свое время («Я знаю — / не спорьте — / зачем источник жизни дарен им. / Затем, чтоб рвать, / затем, чтоб портить / дни листкам календарным» (Маяковский 1955/1, с. 266)). Даже творения Человека присваиваются Повелителем Всего: «Склонилась руке. / Губы волосикам, / шепчут над ними они, / “Флейточкой” называют один, / “Облачком” — другой, / третий — сияньем неведомым / какого-то, / только что / мною творимого имени» (там же, с. 255)). Согласно Новому Завету, Христос пришел на землю, чтобы освободить людей от власти сатаны (Деян. 26: 18; Ин. 12: 31). Против Повелителя Всего борется герой Маяковского, но погибает в этой борьбе.

Несмотря на свое вознесение на небеса, он «окован» земным бытием. Его гибель — это жертва, нежелание подчиниться

Повелителю Всего, стремление доказать значение своей любви. Ограниченный земным бытием и прославляющий его, он замкнут в нем. Как писал Р. Якобсон, в поэме Маяковского «творческому порыву в преображенное будущее противопоставлена тенденция к стабилизации неизменного настоящего, его обрастание косным хламом, замирание жизни в тесные окостенелые шаблоны. Имя этой стихии — быт» (Якобсон 1975, с. 12); «Этот жуткий двойник, бытовое Я — собственник-приобретатель, которого Хлебников противопоставляет изобретателю. Его пафос — стабилизация и самоотмежевание: “И угол мой, и хозяйство мое — и мой на стене портретик”» (там же, с. 14). Если жизненное кредо мещанина сводится к «пассивному приятию своей земной доли, судьбы, своего неизменного естества», то героя Маяковского волнует «будущее преображение самой природы человека творческим дерзанием и трудом» (Семенова 2001, с. 168–169).

Лирический герой Маяковского, поэт, «автор» упоминаемых в тексте поэм «Облако в штанах» и «Флейта-позвоночник», обладает высшим, синтетическим взглядом на мир. Поэма «Человек» может быть воспринята как метафизический опыт, попытка борьбы с Повелителем Всего. Вопреки яркому образу несдающейся любви («И только / боль моя / острее — / стою, / огнем обвит, / на несгорающем костре / невысказанной любви» (Маяковский 1955/1, с. 272)) финал поэмы нельзя назвать оптимистическим. Герой Маяковского переживает катастрофическое падение от ощущения всемогущества до осознания малости своих сил, невозможности тягаться с демоническим двойником, Повелителем Всего.

Использование элементов новозаветной истории в поэме «Человек» необходимо Маяковскому, чтобы обозначить появление нового героя, способного изменить земной мир. Человек создает собственную религию, становится пророком земли, может силой своего слова преображать физическую природу. Благодаря евангельской образности его дела обретают семантику спасительного акта, герой призывает людей открыть в себе способность к творческому изменению мира. Жертвенная смерть героя на «костре невысказанной любви», сопоставленная с апокалиптическим образом крушения мира («Погибнет все. / Сойдет на нет. / И тот, / кто жизнью движет, / последний луч / над тьмой планет / из солнц последних выжжет» (Маяковский 1955/1, с. 272) — ср.: «...после скорби дней тех, солнце

померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные колеблются...» (Мф. 24: 29)), за чем обещано явление Сына человеческого в силе и славе, должна показать, что не все подчинено власти Повелителя Всего, доказать ценность чувства Человека и свободу его воли.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреева 1963 — Андреева М.Ф. Из воспоминаний // Маяковский в воспоминаниях современников. М., 1963. С. 114—118.
- Библейская энциклопедия 2005 — Библейская энциклопедия / Сост. Никифор, архимандрит. М., 2005.
- Вайскопф 2003 — Вайскопф М. Птица-тройка и колесница души. М., 2003.
- Горький 1949–1955/1–30 — Горький М. Собрание сочинений: В 30 т. М., 1949–1955. Т. 1–30.
- Жирмунская 2006 — Жирмунская Т.А. «Ум ищет Божества»: Библия и русская поэзия XVIII–XX веков. М., 2006.
- Крученых 1967 — Крученых А. Новые пути слова // Манифесты и программы русских футуристов. München, 1967. С. 64–73.
- Маяковский 1955–1961/1–13 — Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: В 13 т. М., 1955–1961. Т. 1–13.
- Метченко 1961 — Метченко А.И. Путь к Октябрю // Маяковский в школе: Сб. ст. М., 1961. С. 31–95.
- Сакович 1996 — Сакович А.Г. Библейские образы в раннем творчестве Владимира Маяковского, или Мистерия-буфф в действии // Библия в культуре и искусстве: Материалы научной конференции «Випперовские чтения-1995». Вып. XXVIII. М., 1996. С. 326–331.
- Обиходные песнопения 1995 — Обиходные песнопения, панихиды и отпевания. М., 1995.
- Семенова 2001 — Семенова С.Г. «Новый разгромим по миру миф...» (Владимир Маяковский) // Семенова С.Г. Русская поэзия и проза 1920–1930-х годов. Поэтика — видение мира — философия. М., 2001. С. 144–211.
- Устрялов 2010 — Устрялов Н.В. Под знаком революции // Устрялов Н.В. Избранные труды. М., 2010. С. 197–674.
- Шалков 2008 — Шалков Д.Ю. Библейские мотивы и образы в творчестве В.В. Маяковского 1912–1918 годов: Дисс. ... канд. филол. наук. Ростов-н/Д, 2008.
- Якобсон 1975 — Якобсон Р. О поколении, растратившем своих поэтов // Якобсон Р., Святополк-Мирский Д. Смерть Владимира Маяковского. Париж, 1975. С. 8–34.

Трансформация новозаветной истории
в поэме В.В. Маяковского «Человек»

Поэма «Человек» является звеном в автобиографическом мифе Маяковского. Герой-титан, способный перемещаться во времени и в пространстве, обладающий необыкновенным зрением, умением видеть истинную суть вещей, вдыхать в них новую жизнь, противостоит Повелителю Всего, который то, что было одухотворено Человеком, низводит до объекта потребления. Создавая своего лирического героя, Маяковский обращается к библейской образности, мотивам, ассоциациям, использует характерные для христианской литературы обороты речи. В качестве рамки и сюжетобразующей основы поэмы взята евангельская история, а также Апокалипсис как символ космической катастрофы. Библейская образность подчеркивает сакральность героя. Но Маяковский делает акцент на божественной природе не только духа, но и тела.

Ключевые слова: Маяковский, поэма «Человек», Горький, библейская символика, Мессия, Ной, Иона, царь Давид, Христос.

Transformations of the Gospel Story
in V. V. Mayakovsky's Poem "The Man"

The poem by Mayakovsky "The Man" can be seen as part of his autobiographical myth. Its titanic hero, capable of moving through time and space, possessing extraordinary vision, the ability to see the true essence of things, to breathe new life into them, resists the Lord of All Things, who reduces everything spiritualized by the Man to the objects of consumption. Creating the image of his lyrical hero, Mayakovsky relies on biblical imagery, motifs, associations, uses the speech patterns characteristic of Christian literature. The Gospel story becomes the poem's framework and the basis for its plot, and the Apocalypse is represented as a symbol of cosmic catastrophe. Biblical imagery emphasizes the sacredness of the hero. But Mayakovsky emphasizes the divine nature not only of the spirit but also of the body.

Keywords: V. V. Mayakovsky, poem "The Man", Gorky, biblical symbols, Messiah, Noah, Jonah, King David, Christ.